

© 2018 г.

В.В. СОГРИН

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ, ПРОПАГАНДИСТСКАЯ И ОБЫВАТЕЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Согрин Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Новая и новейшая история». Руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, председатель Российской ассоциации историков-американистов (Москва, Россия).

Известный американский историк XX в. Ч. Бирд в середине 30-х годов, будучи президентом Американской исторической ассоциации, обратился к ней с докладом «Писаная история как акт веры». В тот же период другой мэтр американской историографии, К. Беккер, высказал схожую по сути формулировку: «Каждый сам себе историк». Еще один знаменитый американский историк иронически, но вместе с тем пессимистически заявлял: «История? Да это кошка, которую тянут за хвост туда, куда она меньше всего хочет идти сама». Автор этой статьи, изучая американскую историческую науку в советский период, объяснял подобные высказывания презентизмом и идеализмом американской историографии.

Сегодня у меня иное отношение к ним, так как я полагаю, что какая-то «сермяжная правда» им присуща. Но и сегодня в полной мере я их не приемлю. И не только потому, что мой методологический багаж стал плюралистическим и, наряду с историческим материализмом, в нем присутствуют иные методы, среди них цивилизационный подход, которым пользовались процитированные американские мэтры. Существует и другая причина: признать, что объективная историческая истина недостижима «по определению», означало бы поставить крест на исторической науке и профессии, приравнять их в лучшем случае к разновидности общественно-политической мысли, как это делал итальянец Б. Кроче. У автора статьи иная позиция: историческая истина как абсолютная категория недостижима, но стремление и приближение к ней возможно и необходимо. Однако для решения этой задачи профессиональный историк должен быть вооружен соответствующей методологией и методикой, заниматься критической рефлексией, осознавать свое отличие от непрофессиональных течений истории. Такой рефлексии, на мой взгляд, недостает современной отечественной научной историографии. Она не занимает господствующих позиций в историческом мнении и сознании общества, но, развиваясь в собственной нише, должна сохранять приверженность методам и приемам, отличающим ее от пусть и более влиятельных, но принципиально отличных от исторической науки историографических течений.

Сторонники этих течений зачастую агрессивны и беспепелляционны. Они шельмуют профессиональную историографию, одновременно стремясь превратить ее в покорную служанку. Если она не соответствует их установкам, то ее, по их мнению, нужно принудить к этому или «прикрыть». Главными среди подобных течений являются, как следует из предлагаемых мною в оглавлении статьи определений, пропагандистская и обывательская историографии.

Обидного смысла в эти определения не вкладываю. Пропагандистская историография сама так себя идентифицирует. На ведущем российском телеканале «Россия 24» есть программа «Агитпроп», которая не стесняется своего названия и решает (это покажу ниже), наряду с прочими, задачу формирования удобного власти исторического знания и сознания. К представителям обывательской историографии я отношу отдельно взятых индивидуумов, не относящихся к исторической профессии, не

имеющих представлений о специфике исторического знания и не желающих их иметь, но воинственно претендующих на знание исторической истины. Подчас, однако далеко не всегда (вспомним в связи с этим В. Суворова (В.Б. Резуна), автора многочисленных и популярных, но, на мой взгляд, глубоко антинаучных, книг о Второй мировой войне), они едины с пропагандистской историографией.

Представители обывательской историографии самоуверенно судят о прошлом, нередко категорически отрицают суверенитет профессиональной историографии и требуют от нее следовать их установкам. Публицист В.Т. Третьяков, возмущаясь «неспособностью» профессиональных историков создать достойную отечества, как он сам это понимает, историю, заявлял: «Утверждаю и настаиваю: наши историки даром едят хлеб и со своей профессиональной задачей не справляются»¹. Писатель Э.А. Радзинский не считает, что «историки даром едят хлеб», но он уверен, что задач у истории, как науки, нет, поскольку не существует самой такой науки². Публицист и писатель не имеют представления о *характере исторической науки*, но рассматривают себя как носителей исторической истины³. Профессиональные историки подчас добровольно следуют в фарватере пропагандистской и профессиональной историографии. Осознание суверенитета исторической профессии и ее собственного места в формулировании исторического знания — задача, на мой взгляд, актуальная и перманентная.

Казалось бы, претензии пропагандистской и обывательской историографии на знание исторической истины должны были исчезнуть или ослабеть с наступлением в 1985 г. гласности, провозглашенной М.С. Горбачёвым. Но нет. Три ее представителя доказывали сразу после провозглашения гласности в письме в журнал «Коммунист»: «Мы уже привыкаем к многочисленным попыткам под флагом гласности и демократизации откровенной фальсификации нашей истории (другая крайность, не более правдивая, чем господствовавшая до 1956 г., и в других формах с другими руководителями-«ленинцами» до апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС)»⁴. А когда читаешь, как «прорабатывал» в годы перестройки писатель Б.А. Можаяев профессионального, читавшего принципы своей дисциплины историка-аграрника В.П. Данилова⁵, натерпевшегося в доперестроечный период от партийной историографии, становится не по себе. Подобного разноса не появлялось, кажется, со времен заведовавшего в 60–70-е годы XX в. отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезникова.

В период перестройки второй половины 1980-х годов, на мой взгляд, возник своего рода широкий демократический фронт пересмотра советской историографии. В него вошли не только публицисты, писатели, журналисты, но и многие профессиональные историки. Таков был запрос времени и провозгласившего перестройку руководства КПСС во главе с М.С. Горбачёвым. Паролями ревизионистской (не вкладываю в это определение негативного смысла) историографии стали определения «белые пятна истории» и «страна с непредсказуемым прошлым». Единение пропагандистской, обывательской историографии, как и многих профессиональных историков в закрытии «белых пятен» и в превращении нашей державы в страну с «предсказуемым прошлым», принесло противоречивые с точки зрения принципов исторической профессии результаты. На мой взгляд, наряду с плюсами, в постижении прошлого имелись минусы. В сравнении с советским периодом это были другие плюсы и минусы. Превозносимые

¹ Известия, 25.XI.2010.

² Известия, 15.X.2010.

³ Я отличаю пропагандистскую и обывательскую историографию от народной исторической субкультуры, отражающей массовые представления об истории и выявляемой чаще всего посредством социологических опросов. Восприятие россиянами собственного исторического опыта, его отражение в массовом сознании — самостоятельная тема, она также будет мною затронута.

⁴ Коммунист, 1988, № 14, с. 87.

⁵ Литературная газета, 2.XI.1988.

советской историографией плюсы отвергались, а замалчиваемые минусы реанимировались и часто превращались в плюсы.

Партийно-политическая печать, в том числе журнал «Коммунист» и газета «Правда», распахнули «двери» для профессиональных историков и публицистов, которые следовали горбачевскому лозунгу «Назад к Ленину» и беспощадно вскрывали сталинский произвол, превративший образцовый ленинский социализм в деформированный, казарменный, командно-административный и даже, по определению некоторых, в феодальный. За Лениным было признано формулирование всех основных признаков «подлинного социализма». Подчеркивалась его роль творца политической демократии, включая политический плюрализм, многопартийность, свободу слова (в ленинском наследии также было обнаружено слово «гласность», которое было поднято на щит горбачевцами и приравнено к свободе слова). Историки О.В. Волобуев и С.В. Кулешов выражали типичную точку зрения, когда утверждали, что укоренение демократического социализма входило в ленинские намерения с Октября 1917 г.: «Кое-кто не хочет видеть подлинного демократизма новой власти — декреты о мире, земле, национализации промышленности, свободе совести... Да и началась Советская власть с того, что сейчас именуется социалистическим плюрализмом. Наличие нескольких партий, открытая критика Советской власти, множество взглядов на пути развития революции. Всё было возможно: и сатирический еженедельник “Новый сатирикон”, буквально разивший едкой сатирой политику новой власти, и карикатуры, далеко не безобидные, на большевиков»⁶.

Согласно концепции, разделявшейся многими ревизионистами, построение демократического социализма было прервано гражданской войной, но возродилось с начала 1920-х годов, когда была предложена новая экономическая политика. Нэп был наделен прямо-таки чудотворной силой. Историки Г.В. Бордюгов и В.А. Козлов писали о «блестящих социально-экономических результатах первых лет новой экономической политики»⁷. Не скрывал своего восхищения нэпом В.И. Селюнин, один из наиболее ярких публицистов — критиков командно-административного социализма. В характерном для «перестроечной» историографии духе Селюнин легко перебрасывал мостик из прошлого в современность, доказывая, что горбачевские реформаторы должны воспринять товарно-рыночные, хозрасчетные и организационные принципы нэпа⁸.

Ленинская модель и нэп, по заключению ревизионистов, были разрушены Сталиным, который своим «переломом» 1929 г. утвердил командно-административную систему. Ленинизм и сталинизм рассматривались, таким образом, как альтернативные и антагонистические системы, никакой преемственной связи между ними не существовало. Перестройке, начатой Горбачёвым, надлежало разрушить командно-административную и восстановить хозрасчетно-рыночную систему.

Одной из главных тем ревизионистов стала историческая альтернатива. Те, кто отвергал историческую обусловленность сталинского казарменного социализма, уверенно возобладали над теми, кто видел его причины в отсталости и особенностях российской экономики, политической культуры народа, иных глубоко укорененных факторах. Известные публицисты, сотрудники журнала «Коммунист» И.А. Дедков и О.Р. Лацис утверждали: «Если же согласиться с фатальной неизбежностью культа личности, то его пришлось бы оправдать. Можно ли сегодня сознательно, с чувством ответственности перед народом отстаивать такую позицию?»⁹.

На мой взгляд, некорректна та публицистическая мысль, что если признать неизбежность культа личности, то его пришлось бы оправдать. Второе из первого

⁶ Волобуев О.В., Кулешов С.В. Очищение. История и перестройка. М., 1989, с. 21.

⁷ Бордюгов Г.В., Козлов В.А. Поворот 1929 г. и альтернатива Бухарина. — Вопросы истории КПСС, 1988, № 8, с. 15–33.

⁸ Селюнин В.И. Истоки. — Новый мир, 1988, № 5, с. 162–189.

⁹ Правда, 31.VII.1988.

отнодью не вытекает. «Оправдание» или «неоправдание» — категории не научные, а морально-этические, и среди тех, кто считает культ личности обусловленным отечественными реалиями, могут быть как его защитники, так и противники. Нельзя не задаться вопросом: если культ личности не был обусловлен отечественными реалиями, то почему его проявления с гнетущим постоянством возникали и при Сталине, и при Хрущёве, и при Брежневе? В период перестройки в исторических экскурсах доминировала та мысль, что развитие отечественного социализма могло пойти по альтернативному демократическому пути, окажись во главе него Н.И. Бухарин или даже Л.Д. Троцкий. Научное осмысление исторической альтернативы не было в почете и были проигнорированы отличавшиеся суждения профессиональных историков, например И.Д. Ковальченко, отмечавшего в своем последнем труде: «Историческая альтернатива может иметь место тогда, когда в действительности, во-первых, содержатся существенно отличные возможности (потенции, тенденции) последующего развития и, во-вторых, имеются общественные силы, ведущие борьбу за реализацию этих возможностей»¹⁰.

Главным плюсом перестроечного периода для профессиональной историографии, на мой взгляд, явилась академическая свобода, прежде неизвестная. Монополия исторического материализма исчезла, возник теоретико-методологический плюрализм, расширились познавательные возможности историографии. Перестроечная историография привлекла и накопила огромное количество фактического материала, на который в советский период налагалось табу. Но закрытие «белых пятен» не превратило Россию в страну с «предсказуемым прошлым». Это был важный материал, но недостаточный для выстраивания удовлетворительного исторического синтеза. Историческая фактура, накопленная и использовавшаяся в советский период, теперь игнорировалась, объявлялась односторонней, ненаучной. Например, при рассмотрении нэпа лейтмотивом стало суждение В.И. Ленина, что нэп — это «всерьез и надолго», но замалчивались те его суждения, высказанные уже через три месяца после начала нэпа и широко использовавшиеся историками в доперестроечный период, что наступило время для окончания «нашего экономического отступления» и о том, что пора перегруппироваться с целью «усилить экономическую власть нашего пролетарского государства»¹¹. Но из истории «неудобные» и «неверные» факты не исчезли, а без их использования полнокровной объективной картины прошлого создать нельзя.

Перестроечно-ревизионистское направление исторической мысли сдало свою ведущую позицию на рубеже 80—90-х годов, но произошло это не в результате научных споров, а по причине новых идейно-политических перипетий, которые в этот раз расчистили лидирующее место уже не для какого-то из социалистических, а для антисоциалистического направления. Крах горбачевских реформ породил в обществе мнение, переросшее в убеждение, что реформироваться на социалистической основе вообще невозможно. Взоры политиков-популистов, публицистов, журналистов и тех историков, которые восприняли их позицию, обратились к новым идеологическим идолам. В течение трех лет — 1989—1991 гг. — утвердилась либерально-демократическая парадигма радикального толка.

Среди крупных обобщающих исторических работ первым полнокровным выражением либерального направления в отечественной исторической мысли стала коллективная монография «Наше отечество. Опыт политической истории», опубликованная в 1991 г. под грифом Российского государственного гуманитарного университета, основателем и руководителем которого был Ю.Н. Афанасьев, видный политик либерально-радикального крыла. Авторами отвергались оба варианта формационного подхода — как советский ортодоксальный, так и перестроечный ревизионистский. На место отвергнутых идеологов они воздвигали новую, в этот раз либерально-западническую. Западный путь, предстающий как образец для России, согласно

¹⁰ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987, с. 73.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 11, 92.

одному из определений, данных в коллективном труде, это «накатанная дорога к свободе, равенству и братству»¹². Прогресс российской истории определялся в связи с тем, как воплощались или какие шансы на воплощение имели в ней западно-либеральные ценности. В отличие от традиционных изданий по отечественной истории в этой монографии наибольшие симпатии читателей призваны завоевать не народные бунтари типа И.И. Болотникова, С.Т. Разина и Е.И. Пугачева (их имена в монографии объемом более 1000 страниц даже не упомянуты), не декабристы, революционные демократы и тем более большевики, а российские либералы. В отличие от марксистско-ленинских учебников «цветом русской интеллигенции» признавались не революционные демократы и социалисты, а партия кадетов.

Крах либеральной альтернативы царизму и торжество социалистической революционной предстает в монографии как главная трагедия российской истории. Творцом Октября объявлялся один человек — В.И. Ленин. Впрочем, не творцом, а «злым гением», ибо октябрьские события, именовавшиеся в марксистско-ленинской историографии неизменно Великой Октябрьской социалистической революцией, в монографии определяются как «октябрьский переворот». Ленин лишен каких-либо благородных мотивов, он признается вершителем и октябрьского переворота, и командно-административного социализма. Ленинизм предстает как предтеча, а отнюдь не альтернатива сталинизма.

Либеральная интерпретация отечественной истории после распада СССР и утверждения у власти в России правительства Б.Н. Ельцина легла в основу учебной исторической литературы. Это не только поддерживалось, но, по сути, диктовалось установками министерства образования Российской Федерации. Новая политизация учебной исторической литературы поразила даже западных специалистов. Р.У. Дэвис в критическом ее анализе отмечал: «Использование термина “тоталитаризм” для характеристики сталинского режима — вопрос крайне противоречивый. Но Министерство образования Российской Федерации возвело концепцию в новую догму»¹³. Новая догма нередко приобретала карикатурный характер, который по своей одиозности мало отличался от историографической ортодоксии советского образца. Так, А.Ю. Головатенко в учебном пособии, изданном в 1993 г., изложил историю советского периода в трех главах с характерными названиями: «Год 1917: через свободу к диктатуре», «Становление коммунистического тоталитаризма» и «Преодоление тоталитаризма»¹⁴.

Позитивным в развитии профессиональной историографии 90-х годов был перешедший из периода перестройки теоретико-методологический и концептуальный плюрализм. Мэтры советской исторической науки были потеснены теми, кто в советский период подчас слыл диссидентом, и, конечно, ведущими представителями дооктябрьской исторической науки, которым прежде войти в ведущие отечественные историки мешала «буржуазная» или «дворянская» «ограниченность». По индексу цитирования, если бы такой имелся, на первые места, как представляется, могли претендовать Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский.

В статье нет возможности охарактеризовать развитие научного плюрализма в изучении всех тем отечественной, а тем более зарубежной истории. У читателя есть возможность ознакомиться с ним по соответствующим историографическим обзорам (хотя их, на мой взгляд, явно недостаточно и они чаще всего сводятся к фактографической стороне дела). Своеобразие ведущей тенденции в изучении отечественной истории, ее отличие от советской историографии состояло в отказе от рассмотрения отечественной истории по аналогии с западноевропейским общественно-экономическим социумом и сосредоточенности на постижении национального своеобразия

¹² Наше отечество. Опыт политической истории. М., 1991, т. 1, с. 356.

¹³ Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999, с. 50.

¹⁴ Цит. по: Козлов В.А. Российский посткоммунистический синдром: «разрушенное прошлое» и кризис советской идентичности. — Общественные науки и современность, 2003, № 4, с. 87.

российской истории. Вследствие этого были внесены серьезнейшие коррективы в изучение российского социума в дофеодальный, феодальный и капиталистический периоды. Упор при этом был сделан не на сходство, а на отличия «феодализма» и «капитализма» в российском и европейском социумах.

Плюсом было развитие диалога с зарубежной историографией. Понятия «буржуазная» и «антинаучная» в отношении нее перестали употребляться, из нее заимствовался интерес к истории ментальностей, повседневности, к гендерной тематике и т.д. Но вот теоретико-методологический суверенитет исторической науки, преодоление односторонности, характерной как для советской, так и для постсоветской историографии, не удавались должного внимания.

На книжном рынке укреплялось господство обывательской историографии. Перечислить всех ее представителей невозможно. Но два имени назову. Первый автор — В. Суворов (бывший советский зарубежный агент В.Б. Резун). Суворов в ряде книг, изданных в России массовым тиражом, отстаивал концепцию о Советском Союзе как главном виновнике Второй мировой войны и обосновывал превентивный характер войны Германии против СССР. Поразительно, но фантазии Суворова нашли поддержку среди ряда профессиональных историков (правда, зачастую с очень серьезными оговорками). А.Т. Фоменко, математик, академик Российской академии наук, вместе с соавторами выдвинул и пропагандировал «новую хронологию» — радикальный пересмотр всей всемирной истории. Взгляды Фоменко были опровергнуты не только профессиональными историками, но также филологами, астрономами, самими математиками. Но Фоменко с соавторами продолжали издавать один талмуд исторической фальсификации за другим, и они, как и книги Суворова, пользовались гораздо большим спросом, нежели труды профессиональных историков. Объяснение состоит в том, что обывательская историография сродни астрологии: обе притягивают массу непросвещенной аудитории, падкой на «чудесные» версии. Обе являются компонентами массовой культуры, господствующей в условиях свободного рынка, против которого автор статьи ничего не имеет, но который следует оценивать всесторонне и истинную цену которого нужно знать. В случае с Суворовым успех на свободном книжном рынке отчасти объясним и тем, что читатели-антисталинисты не хотели ограничиться выявленными профессионалами фактами жестокости и самодурства советского вождя, но хотели убийственной для него исторической версии, которую и предоставила «рыночная» книга Резуна-Суворова.

Либерально-западнический историографический дискурс, утвердившийся в 1990-е годы, не смог удержать господствующего положения ни в научной, ни в учебной исторической литературе. Его отступление с ведущих позиций было обусловлено не научными издержками, а новой переменной политической ситуации в России. Сильнейший удар по российскому либерализму и его последователям в историографии нанесли радикальные реформы 1992 г. и последующего периода. До начала радикальных реформ российское демократическое движение твердо обещало россиянам, что западные либеральные образцы могут быть введены в России достаточно быстро и безболезненно. Однако вследствие радикальных реформ россияне вместо обещанной североамериканской или западноевропейской общественной модели получили некую смесь латиноамериканской модели и социал-дарвинистского капитализма. Россия разделилась на узкое сверхбогатое меньшинство и бедное и нищее большинство. Вместо правового государства сохранился беспредел чиновников. Многие россияне возложили ответственность за крах своих надежд и иллюзий не только на политиков-либералов, но и на западные ценности, которые, по их мнению, в России оказались нежизнеспособными и приносят не благо, а зло.

На волне народного недовольства оформилась левая и национал-патриотическая оппозиция, власть стала лавировать, прибегать к социальной и патриотической риторике, в том числе и в своих трактовках прошлого. Министерство образования начало

«сдавать» авторов исторических учебников, отошедших от ортодоксальных «патриотических» канонов. Одной из первых жертв оказался А.А. Кредер, автор учебников по новой и новейшей истории, в которых, в частности, по меркам «патриотической» ортодоксии, преувеличивался вклад западных союзников СССР в победу над Германией во Второй мировой войне. Стали появляться и увеличиваться в числе учебники антилиберального толка.

В 2001 г. глава российского правительства М.М. Касьянов, известный как либерал радикального толка, поставил вопрос о школьных учебниках по истории России на заседании правительства. В информации об обсуждении острого вопроса говорилось: «По словам Касьянова, через 10 лет после становления нового российского государства в учебниках не упоминается о ценностях демократического общества, о необходимости реформ в экономике и социальной сфере, о том, что сам народ избрал путь рыночных преобразований. По мнению премьера, это недопустимо»¹⁵. Но противоположная сторона не желала уступать позиций. В начале 2004 г. группа военных ветеранов высокого статуса обратилась с письмом к президенту России В.В. Путину, в котором осуждались сохранявшиеся «непатриотические» учебники. Президент прислушался к их голосу, и министерство образования «сдало» еще одного «непатриотического» автора — И.И. Долуцкого и его «Отечественную историю XX века»¹⁶.

В последующем российская власть, не отличаясь от предшественников, руководствовалась известным принципом Дж. Оруэлла: «Кому принадлежит прошлое, тому принадлежит будущее». Отношение к истории определялось общественно-политическими реалиями. Главными, на мой взгляд, были две реалии. Первая заключалась в том, что российское руководство, в отличие от 1990-х годов, осознало в полной мере, что США претендуют на безраздельное управление миром и Россию готовы видеть исключительно в качестве своего послушного клиента, но не в роли суверенного субъекта мировой политики. Ответом России стала суверенная внешняя политика, повлекшая конфронтацию с США. Соответственно в идеологии усилился антиамериканизм, оказавший влияние на историографию¹⁷.

Вторая реалья — внутриполитическая. В 2000-е годы, оказавшиеся «сытыми», социальные разногласия между нижними слоями и государственно-олигархическим капитализмом, оформлявшимся в 1990-е годы и укреплявшим в дальнейшем позиции, несколько ослабели. Но затем они стали усиливаться. Власть заинтересована в примирении общества с богатым и сверхбогатым меньшинством. Это было непросто, поскольку российской ментальности, в отличие, скажем, от американской, признание чудовищного разрыва между большинством, к тому же в России гораздо менее обеспеченным, чем американское большинство, и узким меньшинством, которое в России по богатству мало уступает американскому, чуждо. Для решения стратегической задачи примирения большинства с меньшинством и укрепления самое себя власть стала активно прибегать к услугам соответствующих интерпретаций отечественной истории.

Полагаю, что многие обратили внимание на стремление власти возвеличить российскую империю, ее монархов и признать крушение империи национальной трагедией, имевшей не естественный, а искусственный характер, т.е. «рукотворной». В отличие от 1990-х годов, когда ниспровергалась Октябрьская революция и главным злодеем объявляли В.И. Ленина, сегодня причиной трагедии объявляют всю революцию, и в первую очередь Февраль, когда Николай II принудили к отречению, что стало первопричиной крушения монархии и империи.

¹⁵ Цит. по: Дедков Н. Проблема учебника истории. — Исторические исследования в России II. М., 2003, с. 50.

¹⁶ Известия, 14.11.2004.

¹⁷ США и их союзники отвечали нагнетанием антироссийских настроений, включавших русофобию. В результате стали говорить о возникновении новой «холодной войны».

Подобную интерпретацию, откровенно презентистскую, поддерживает немало профессиональных историков. Критикуя презентизм, я ни в коем случае не хочу повторения революции в каком-либо варианте. Но уже в отличие от власти и развивающих угодную ей интерпретацию историков, я полагаю, что задача предотвращения революционных потрясений может быть решена не путем презентистского освещения истории падения российской империи, а на основе верного извлечения исторических уроков. Но, к сожалению, как сокрушаются многие профессионалы, единственный урок истории состоит в том, что из нее не извлекают никаких уроков.

Обратимся к современному презентистскому восприятию краха российской империи и революции 1917 г. Оно осыщено авторитетом А.И. Солженицына. Для многих это сакральная фигура. Мне же важно соотнесение выводов А.И. Солженицына с принципами профессиональной историографии, и я вижу между ними глубокое противоречие. Кроме того, исхожу из того, что в рамках академической свободы, которую одобрял сам Солженицын, возможны различающиеся оценки его творчества. Они имеются, и я отсылаю читателя к двум фундаментальным, но, по сути, взаимоисключающим исследованиям его исторической роли и наследия — апологетической¹⁸ и критической¹⁹. Для проводимого здесь анализа важно то, что поздний Солженицын приближался мировоззренчески к концепции «Православие. Самодержавие. Народность». Он переключился с критики «Красного колеса» и Октября 1917 г. на критику Февраля 1917 г. В пространной статье, опубликованной в 2007 г. в правительственной «Российской газете» по случаю 90-летия Февраля, он изъяснился предельно четко: «В ночь с 1 на 2 марта Петроград проиграл саму Россию — и больше чем на семьдесят пять лет»²⁰. Так российский антибольшевистский кумир санкционировал поругание Февраля 1917 г., который российской демократией рубежа 80—90-х годов XX в. воспринимался как матрица либерально-демократической революции 1991 г.

Еще в 1990-е годы Солженицын писал: «Россия перед войной 1914 г. была страной с цветущим производством, в быстром росте, с гибкой децентрализованной экономикой, без стеснения жителей в выборе экономических занятий, было положено начало рабочего законодательства, а материальное положение крестьян настолько благополучно, как оно никогда не было при советской власти. Газеты были свободны от предварительной политической цензуры (даже и во время войны), существовала полная свобода культуры, интеллигенция была свободна в своей деятельности, исповедание любых взглядов и религий не было воспрещено, а высшие учебные заведения имели неприкосновенную автономность. Многонациональная Россия не знала национальных депортаций и вооруженного сепаратистского движения»²¹. Россия и монархия, согласно Солженицыну, сохраняли величие и в годы Первой мировой войны, но были преданы в Феврале экономической, политической, культурной и религиозной элитой.

Эти идеи Солженицына были подхвачены и представителями исторической науки. Среди них профессиональный историк и известный политик В.А. Никонов. Развивая солженицынский приговор либеральному Февралю 1917 г., он расставлял точки над «i»: «Всех будущих министров объединяла принадлежность к Земгору, ВПК, прогрессивному блоку. И все они, как потом выяснилось, состояли в масонских ложах... В свержении власти императора сыграли роль и внешние силы... К моменту революции Россия была готова в военном и экономическом отношениях к успешному продолжению военных действий... Голод и разорение России зимой 1916/1917 года не

¹⁸ Сараскина Л.И. Александр Солженицын. М., 2008.

¹⁹ Сарнов Б.М. Феномен Солженицына. М., 2012.

²⁰ Солженицын А. Размышления над февральской революцией. — Российская газета, 27.11.2007, с. 10.

²¹ Солженицын А.И. Публицистика в трех томах. Ярославль. 1995, т. 1, с. 345.

грозили, хлеба хватало, промышленность росла... Если выявить социальный слой, в наибольшей степени приближавший революцию, то им окажется интеллигенция... В подготовке революции приняло участие большинство российских политических партий в спектре от октябристов до большевиков. Решающую роль сыграли либералы... Легитимацию перевороту дала Дума... Временное правительство разрушило российскую государственность»²².

А как же быть с исторической виной большевиков? Она не снималась, но уменьшалась и дифференцировалась. Во-первых, она оказывалась вторичной — монархию и империю разрушили всё-таки сначала либералы. Во-вторых, И.В. Сталин, преемник первого главного большевика, В.И. Ленина, не разрушал, а реставрировал империю. Ему — честь и хвала. Что касается духовных ценностей, то и здесь, как доказывала один из ведущих публичных историков власти, Н.А. Нарочницкая, злодеем был не Сталин, а Ленин: «Мой отец (историк, академик. — В.С.), переживший все периоды репрессий, вспоминал, что ленинское время было страшнее сталинского. При Ленине не только расстреливали, но и называли Александра Невского классовым врагом, Наполеона — освободителем, Чайковского — хлюпиком, Чехова — нытиком, а Толстого — помещиком, юродствующим во Христе». Сутью русской истории Н.А. Нарочницкая объявила способность противостоять Западу и его ценностям: «Раболепное эпитонство начала 90-х привело к катастрофическим утратам. В уплату за тоталитаризм сдали поругаемые отеческие гробы трехсотлетней русской, а не советской истории... Теперь вот собираем камни, хотим сделать демократию суверенной, избавляемся от диктата извне»²³.

В чем отличие приведенных интерпретаций от той историографии, которую я считаю профессиональной? Начну с того, что профессиональный историк с уважением отнесется к историографической традиции, примет во внимание всю совокупность накопленных до него исторических фактов, назовет имеющиеся историографические интерпретации и вступит с ними в диалог или дискуссию. Ничего этого в приведенных исторических интерпретациях нет. Они демонстративно игнорируют и противоречащие факты, и отличающиеся историографические концепции.

Те, кто знаком с историографией темы, вправе довериться интерпретациям иного толка. Обратимся к оценкам высокопрофессионального историка, заслуженного профессора Московского государственного университета В.П. Смирнова. Совокупность фактов, собранных и приведенных В.П. Смирновым в его недавней монографии, дает основание для выводов, абсолютно противоположных приведенным выше выводам критиков революции 1917 г.: «В конце 1916 — начале 1917 г. в России наступил глубокий экономический и политический кризис. Колоссальные потери, развал экономики, недостаток продовольствия вызывали недовольство во всех слоях общества. Армия устала воевать. Солдаты больше не хотели умирать “за веру, царя, Отечество”... Падение монархии вызвало бурное ликование большинства населения России. Во многих городах проходили митинги, демонстрации, народные гулянья»²⁴. Т.е. смена царского режима Временным правительством отразила чаяния народа, низов и верхов России.

В.П. Смирнов показывает, что либеральная революция по воле исторических обстоятельств, главным среди которых оказалась неспособность Временного правительства воплотить чаяния народа в политической практике, перешла в антибуржуазное русло. Рассматривая эту перипетию, В.П. Смирнов отвергает постсоветские исторические мифы. Ленин не был германским шпионом или «агентом влияния». Он воспользовался германской помощью при своем переезде в Россию, но руководствовался при этом классическим политическим мотивом — все средства хороши для достижения

²² Никонов В.А. Крушение империи. Почему за несколько дней была разрушена российская государственность. — Российская газета, 16.III.2007.

²³ Нарочницкая Н.А. Революция: до основания, а зачем? — Российская газета, 1.XI.2007.

²⁴ Смирнов В.П. Две войны — одна победа. М., 2015, с. 5, 69.

цели. В случае с Лениным — цели завоевания власти большевиками. В параграфе, озаглавленном «Великая революция или большевистский переворот?», В.П. Смирнов доказывает, что нелегитимный приход большевиков к власти, так же как и февральская смена царского режима Временным правительством, имели признаки революции: «Под “государственным переворотом” обычно понимают захват власти сравнительно небольшой группой заговорщиков, смену правящей верхушки без участия населения при сохранении прежнего общественного и государственного строя... Напротив, революция — это массовое, во многом стихийное движение, охватывающее почти все население, имеющее целью ликвидацию прежнего общественного порядка. Февральская и Октябрьская революции были именно такими массовыми революциями, а не верхушечными переворотами... Обе эти революции глубоко изменили жизнь общества, буквально перевернули прежнюю систему ценностей»²⁵.

Среди тех, кто считает Февраль и Октябрь «искусственными» и «рукотворными», преобладают публицисты. На их стороне великий А.И. Солженицын, но, замечу, что не менее великий Н.А. Бердяев при не меньшей, чем у Солженицына, неприязни к Ленину и большевикам, утверждал, что «революция октябрьская и есть настоящая народная революция в ее полном проявлении»²⁶. Фундаментальную причину революции Бердяев определял так: «Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык, был совершенно чужд народу — крестьянству, воспринимавшему как мир другой расы, иностранцев»²⁷. Народ, а не мифические «иностранцы» в лице кадетов или большевиков, сокрушил этих истинных в его глазах «иностранцев». Бердяев, как и Солженицын, не был профессиональным историком и давал историко-софское осмысление событий 1917 г. Но в ряду великих российских мыслителей он не менее авторитетен, чем Солженицын. На рубеже 1980–1990-х годов его в России цитировали чаще, чем Солженицына.

К сожалению, синдром презентизма проявляется и у профессиональных историков, в том числе внесших весомый вклад в историческую науку. К авторам, следующим выводам А.И. Солженицына, среди крупных профессиональных историков можно, на мой взгляд, отнести Б.Н. Миронова. Признавая научные заслуги Б.Н. Миронова, не могу не отметить, что на его концепции лежит печать идеологии. Сам Б.Н. Миронов называет свою концепцию «клиотерапией», т.е. историографией-целительницей, призванной внушить людям исторический оптимизм. Но развиваемая им «клиотерапия» игнорирует множество фактов, ей противоречащих. Обращаясь, например, к мемуарам императора Александра III, известным в традиционной отечественной историографии как контрреформы, он уложил их в своей двухтомной монографии в одну четверть страницы. Некоторые из них (например, «циркуляр о кухаркиных детях») вообще им не упомянуты. Другие охарактеризованы настолько неопределенно, что создается впечатление об их безвредности или второстепенном характере. Так, «Положение о земских участковых начальниках», согласно лапидарной формулировке Б.Н. Миронова, поставило крестьян «в сильную зависимость от земского участкового начальника»²⁸. А ведь согласно выводам десятков и десятков исследователей, основанным на множестве фактов, эта «сильная зависимость» означала широкие возможности для произвола участковых начальников в отношении крестьян и ознаменовала реакционный переворот в системе местного управления. Б.Н. Миронов с такими выводами не согласен, но ведь несогласие исследователя должно основываться не на игнорировании аргументов и фактов оппонентов, а на их учете и опровержении с помощью еще более обильного и убедительного фактического материала.

²⁵ Смирнов В.П. Указ. соч., с. 81, 92.

²⁶ Бердяев Н.А. Русская религиозная мысль и революция. — Версты. Париж, 1928, № 3, с. 58.

²⁷ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990, с. 111.

²⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX века). СПб., 1999, т. 2, с. 153.

Пропагандистская историография не стесняется в унижении революции 1917 г. и одновременно в сакрализации российских монархов и империи. Из передачи К. Семина на канале «Россия 24» в конце апреля 2017 г. вытекало, что Февраль 1917 г. — результат злодейского предательства Николая II генералами, промышленниками, либералами. Это предательство было довершено большевиками. Изобличая деятелей Временного правительства, Семин объявлял их прямыми предшественниками власовцев периода Второй мировой войны.

Насколько эффективна пропагандистская историография? Судя по социологическим опросам, ответ на этот вопрос неоднозначен. Как представляется, определенных успехов пропагандистская историография добивается. Приведу данные опросов социологического Левада-Центра.

Октябрьская революция²⁹

КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ ПРИВЕЛО К ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

	Октябрь 1990	Октябрь 1997	Ноябрь 2001	Октябрь 2007	Октябрь 2011	Март 2017
Тяжелое положение трудящихся	66	57	60	57	53	50
Слабость правительственной власти	36	40	39	35	34	45
Заговор врагов русского народа	6	11	11	13	12	20
Экстремизм политических авантюристов	16	14	15	17	15	19
Стихийная агрессия толпы	15	15	14	12	15	15
Другое	2	1	<1	1	2	2
Затруднились ответить	12	11	9	9	12	7

НАСКОЛЬКО ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ПОТЕРЕЙ ДЛЯ СТРАНЫ СТАЛО СВЕРЖЕНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ?

	Октябрь 1990	Март 2017
Очень значительной	11	34
Не очень значительной	56	52
Затруднились ответить	33	13

КАК ВЫ СЕЙЧАС СЧИТАЕТЕ, ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СЫГРАЛА ПОЛОЖИТЕЛЬНУЮ ИЛИ ОТРИЦАТЕЛЬНУЮ РОЛЬ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ?

	Ноябрь 1996	Октябрь 1999	Октябрь 2000	Март 2014	Март 2017
Очень положительную	19	18	17	8	10
Скорее положительную	28	28	32	40	38
Скорее отрицательную	21	25	22	22	25
Крайне отрицательную	12	10	13	6	6
Затруднились ответить	21	20	17	24	21

²⁹ <http://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revolutsiya>

КТО ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ВРЕМЕН РЕВОЛЮЦИИ ВЫЗЫВАЕТ У ВАС НАИБОЛЬШУЮ СИМПАТИЮ?

	Октябрь 1990	Октябрь 1997	Октябрь 2002	Октябрь 2007	Март 2017
Ленин	67	28	36	27	26
Сталин	8	15	22	15	24
Дзержинский	45	25	28	21	16
Николай II	4	17	18	11	16
Колчак	3	8	8	7	10
Бухарин	21	13	9	7	4
Троцкий	15	5	8	4	3
Керенский	3	4	4	3	2
Махно	8	3	4	6	2
Миллюков	2	1	1	1	1
Затруднились ответить	12	26	19	37	38

КТО ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ВРЕМЕН РЕВОЛЮЦИИ ВЫЗЫВАЕТ У ВАС НАИБОЛЬШУЮ АНТИПАТИЮ, НЕПРИЯТИЕ?

	Октябрь 1990	Октябрь 1997	Октябрь 2002	Октябрь 2007	Март 2017
Сталин	49	36	30	29	21
Махно	19	22	26	11	21
Троцкий	10	13	10	13	17
Ленин	5	12	11	11	13
Керенский	19	12	10	8	9
Колчак	22	12	15	9	7
Дзержинский	4	6	6	7	6
Николай II	10	7	6	4	5
Бухарин	3	4	3	3	5
Миллюков	5	3	3	2	3
Затруднились ответить	25	25	26	42	39

На современном этапе в публицистической и обывательской историографии на-растающим влиянием пользовались российско-американские отношения, освещав-шиеся с презентистской позиции — «современность, опрокидываемая в прошлое». Со-временность, безусловно, содержит богатый материал для критики антироссийской политики США. После распада СССР Соединенные Штаты начали утверждать моно-полию на мировой арене, рассматривая другие страны, первую очередь Россию, пре-емника исчезнувшего СССР, в качестве послушного клиента. Россия, вначале встроив-шаяся в американский внешнеполитический вектор, постепенно, особенно в первые годы XXI в., стала следовать независимой внешнеполитической линии, отстаивать собственные национальные интересы. Это вызвало нараставший конфликт России и «единственной +сверхдержавы», каковой оказались США³⁰. В мире заговорили о на-чале новой «холодной войны». Ее важной составляющей стала информационная вой-на, венчавшаяся в США русофобией, а в России антиамериканизмом.

О русофобии, поразившей многие западные страны, США и их союзников, гово-рить не буду. Примеров предостаточно. Но вот *антиамериканизм*, проникший в оте-чественное историческое мышление и означающий восприятие Соединенных Шта-тов как главного исторического противника России, даже на тех этапах прошлого,

³⁰ Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015, с. 476–544.

когда отношения двух стран являлись позитивными, а то и союзническими, заслуживает осмысления профессиональными историками. Эта идеологема серьезно искажает оценки как американской истории в целом, так и истории внешней политики США и российско-американских отношений. Ее воспринял и ряд профессиональных историков. Приведу примеры влияния данной идеологемы на профессиональных историков.

А. Н. Сахаров, маститый историк, член-корреспондент РАН и многолетний директор Института российской истории, выступил с той концепцией, что Россия в 1905 г. вполне могла рассчитывать на победу в войне с Японией, а ее проигрыш был результатом происков США, вынудивших Россию пойти «на уступку Японии Курил и Южного Сахалина»³¹. В действительности, как это давно показано и в американской, и в советской/российской исторической литературе, США и их президент Т. Рузвельт, выступившие с согласия как Японии, так и России арбитром на их переговорах в 1905 г., исповедовали концепцию баланса сил и в силу этого, требуя уступок от потерпевшей поражение России, вместе с тем сдерживали (и сдержали) чрезмерные притязания Японии. Возражение вызывает и тезис А. Н. Сахарова о том, что США в 1905 г. показали «еще раз, кто является истинным дирижером событий на Дальнем Востоке». Дело в том, что в тот период, а тем более ранее США по своему влиянию в мире и на Дальнем Востоке уступали всем ведущим европейским державам — Великобритании, Германии, Франции — и из-за позиции последних не сумели воплотить в жизнь своих стратегических установок, в первую очередь доктрины «открытых дверей». Влияние, которым А. Н. Сахаров наделил США применительно к 1905 г., эта страна стала обретать после Второй мировой войны, но тогда ее мощным противовесом был СССР. Реальной мировой гегемонии Соединенные Штаты достигли после окончания «холодной войны». Отмечу также, что А. Н. Сахаров, в момент обоснования своей концепции член президентской комиссии по борьбе с фальсификацией истории, «забыл», что Курилы давно принадлежали Японии³² и уступать их не требовалось.

И. Б. Миронов в кандидатской диссертации 2011 г. категорически отверг традиционные выводы отечественных историков³³ о том, что продажа в 1867 г. Аляски была обусловлена объективными экономическими и политическими интересами России. Усвоив конспирологическую идеологему, он приписывает продажу Аляски заговору американских агентов влияния в России: «Продаже Аляски предшествовала многолетняя деятельность узкой группы высших государственных сановников в правительстве Российской империи, целью которых было создание искусственных предпосылок уступки российских заокеанских территорий Соединенным Штатам Америки»³⁴. Фактически по велению Миронова в ряды врагов России и американских агентов попадают сам император Александр II и министр иностранных дел А. М. Горчаков.

Доктор исторических наук Н. А. Нарочницкая в передаче, посвященной столетию Первой мировой войны, доказывала, что война была развязана США в целях уничтожения Великой православной монархии, т.е. России, и Вашингтон добился своей цели вкупе с Лениным и большевиками. Другой публичный историк, В. Ю. Крашенинникова,

³¹ Сахаров А. Н. Правда о неоконченной войне. Позорный проигрыш Русско-японской войны 1905 г. не более чем исторический миф. — Российская газета, 13.XI.2006.

³² История России. Учебное пособие, ч. 2. М., 2005, с. 140.

³³ Среди них и академик Н. Н. Болховитинова, получившего в конце 1990-х годов Государственную премию РФ за научные достижения в изучении Русской Америки.

³⁴ Миронов И. Б. Политика правительства Российской империи в освоении и ликвидации североамериканских колоний (1799—1867 гг.). Автореф. дисс. к.и.н. Воронеж, 2011, с. 14. Миронов ознакомил научную общественность с результатами своего распутывания антироссийского заговора в двух монографиях и серии статей, среди них публикаций в ваковских журналах «Родина», «Библиотекосведение», «Вестник Российского государственного торгово-экономического университета».

кандидат исторических наук³⁵, во время празднования 70-летия высадки союзников СССР в Нормандии доказывала на ведущем российском телевизионном канале, что США осуществили высадку во Францию исключительно в целях опережения СССР в оккупации Германии. И что целью США во Второй мировой войне было ослабление России, а не победа над Германией. Одним из главных ее аргументов являлось известное суждение Г. Трумэна, сделанное им в начале войны Германии против СССР: если Америка увидит, что побеждает Германия, нужно помогать СССР, но если будет побеждать СССР, то нужно помогать Германии³⁶. Это суждение Трумэна использовалось в арсенале советской историографии, но в постсоветский период возобладали подходы профессиональной историографии: главой США во время Второй мировой войны был не Трумэн, а Ф.Д. Рузвельт, твердо поддерживавший союзнические отношения с СССР и неизменно укреплявший этот подход в отношениях со Сталиным³⁷. Трумэн сменил Рузвельта на президентском посту после смерти последнего в апреле 1945 г. Германия к тому времени была уже разгромлена «Большой тройкой», в которой главное значение имел альянс Сталина и Рузвельта, СССР и США.

Обозначу основные приемы современной пропагандистской историографии российско-американских отношений, которые, по моему убеждению, несовместимы с позицией профессии историка.

Первый подход я бы определил как *манихейский*. В современной информационной войне между Россией и США он используется обеими сторонами. Они делят мир на две силы — добра и зла, выстраивая черно-белую картину истории и современности. Для российской стороны Россия по определению воплощает добро, а Америка — зло. В Америке наоборот. В России манихейский подход является основой антиамериканизма, а в США он генерирует русофобию.

Второй подход, пестуемый как русофобией, так и антиамериканизмом — *конспирологический*. Каждая сторона видит в неприемлемых для нее событиях прошлого и настоящего происки противной стороны: Москва — «руку Вашингтона», а Вашингтон — «руку Кремля». В период «холодной войны» неприемлемые для США изменения в третьем мире (Вьетнам, Ангола, Мозамбик, Куба, Никарагуа и т.д.) Вашингтон приписывал проискам Москвы, отрицая внутренние причины радикальных перемен. Сегодня исход президентских выборов в США 2016 г. американский политический класс объясняет происками Москвы.

Третий подход пропагандистской исторической субкультуры — *презентистский*, уже охарактеризованный.

Выделю ряд принципиальных характеристик профессиональной историографии.

Роль первоисточников. Историк постоянно опирается на первоисточники, но, обращаясь подчас к одним и тем же источникам, меняет представление о том, какие из них наиболее важны, какие менее значимы, а какие вообще могут быть опущены в выстраивании научной концепции. С повышением квалификации историк извлекает из источников новые, прежде потаенные, смыслы. Но абсолютизация роли первоисточника в постижении исторической истины в любом случае уязвима. По этому вопросу существует огромное количество профессиональных исследований. Я ограничусь обобщением И.Д. Ковальченко, разделяемым многими профессиональными исследователями: «Факты исторического источника представляют собой *отражение* фактов действительности творцом источника. Оно, как и всякое отражение, субъективно... *Научно-исторический факт* — это отражение историком фактов исторической

³⁵ В момент написания статьи ведущий сотрудник информационного агентства «Россия сегодня» и политобозреватель телеканала «Звезда», где ее представляют как «историка и политолога».

³⁶ New York Times, 24.VI.1941, p. 7.

³⁷ Лучшим отечественным исследованием советско-американских отношений периода Второй мировой войны считаю монографию В.О. Печатнова «Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.» (М., 2006).

действительности на основе фактов источника. Следовательно, научно-исторический факт — в целом дважды субъективизированное отражение прошлого» (курсив автора)³⁸.

Профессиональные историки, придерживающиеся разных концепций, приводят в их подтверждение разные данные источников. Дифференциация и отбор источников зависят от авторского мировоззрения, хотя многие историки в этом не готовы признаться, а то и искренне убеждены, что свободны от всяких идеологических воздействий. Это ставит в качестве важной задачи выработку у профессионального историка морально-этического кодекса непредвзятого и сбалансированного привлечения источникового материала исследуемой темы, максимального приближения к точной мере противоречивых и разнообразных исторических фактов. Такой кодекс не может быть предложен в качестве некоего закона, но его присутствие в профессиональной историографии и у любого специалиста, считающего себя профессионалом, необходимо. Может быть, это уменьшит случаи, когда доктора исторических наук извлекают из одного и того же архивного документа взаимоисключающие факты.

Историография: диалог versus противоборство. Профессиональную историографию отличает от пропагандистской и обывательской полнокровное знание и использование историографии исследуемой темы. Назову два главных метода отношения к историографической традиции. Это *противоборство* и *диалог*. Противоборство означает стремление к научной монополии, к дискредитации и устранению оппонента — соперника. Пропагандистская и обывательская историография, как правило, игнорирует историографическую традицию, навязывает собственную монополию, стремится к уничтожению и ликвидации отличающихся интерпретаций концепций, выводов. Сегодня мы наблюдаем, как на основе этого подхода ведутся дискуссии на исторические темы в отечественных СМИ. Ведущий-«модератор» целенаправленно выстраивает дискуссию в направлении торжества концепции, угодной заказчику, и уничтожения иной интерпретации.

Диалог, в отличие от противоборства, означает взаимообмен научными результатами и дискуссию в целях совместного приближения к научной истине, что предполагает восприятие приводимых оппонентом рациональных аргументов, выводов, выверенных фактов. *Противоборство* — это игра с «нулевой суммой», а *диалог* — это научное обогащение каждой стороны за счет убедительных аргументов и неопровержимых фактов оппонента, это приращение общего знания в интересах исторической науки в целом. Культура диалога в российской историографии еще далеко не сформирована, у многих историков она отсутствует, но в ее развитии в постсоветский период достигнуты позитивные результаты. На мой взгляд, это проявилось в изменении взаимоотношений с зарубежной исторической наукой. В советский период эти взаимоотношения включали в качестве основополагающей составляющей борьбу с «буржуазной» историографией. Возможность творческого восприятия тех или иных положений зарубежной историографии практически касалась только тех школ, которые были близки к марксизму, а в отношении выводов, подходов, концепций иных школ предполагалась сугубо критическая, зачастую непримиримая позиция. В постсоветский период эта установка утрачивала значение, борьба с буржуазными школами уступала место диалогу и дискуссии со всеми без исключения направлениями и течениями мировой исторической науки, а главным критерием отношения к выводам и концепциям той или иной школы становится их соответствие исторической реальности, а не ценностно-мировоззренческие предпочтения представителей данной школы.

Мысленный диалог со всеми исследовательскими историческими школами, в том числе с оппонентами, означает восприятие суждений оппонентов как вызова, который в качестве ответа предполагает учет всего рационального, что заключено в позиции оппонентирующей школы. Проиллюстрирую это на примере отношения

³⁸ Ковальченко И.Д. Указ. соч., с. 130.

к постмодернизму. Он вызвал развернутую критику со стороны практически всех российских историков по той причине, что в своих крайних выражениях означал отрицание объективных оснований исторического познания, как и самой не зависящей от исследователя прошлого исторической действительности. Это неприемлемо и для меня, но, на мой взгляд, нельзя не признать наличия в позиции постмодернистов рационального начала. Мэтр постмодернизма Х. Уайт доказывал, что у истории, в отличие от естественных наук, «нет единого языкового протокола», т.е. общепринятого научного языка. Труды историков, даже самые авторитетные, по сути — репрезентации определенных языковых модусов (тропов) обыденной речи³⁹. Разве в этой критике нет рационального зерна? При ознакомлении с работами современных российских историков (это же касается и зарубежных авторов) нетрудно обнаружить, что в них зачастую присутствует произвол в использование многих понятий, терминов, ключевых слов, не говоря уже об обыденном языке.

Ответ постмодернизму со стороны тех, кто отстаивает право истории быть объективной и научной, заключается в упорядочении используемых понятий, терминов, категорий, достижении единства в определении их смысла, в оттачивании как научного и литературного языка. Подобная реакция необходима и во взаимоотношениях со всеми иными оппонирующими школами. Ответ им должен заключаться не только в оспаривании положений, противоречащих истине, но и в учете рациональных суждений в целях совершенствования и развития исторического знания. В этом случае у истории возрастают шансы становиться более объективной и научной.

Историзм versus презентизм. Историзм — основополагающая платформа профессиональной историографии, радикально отличающая ее от историографии пропагандистской и обывательской.

Его антитеза, презентизм, равнозначен подчинению исторической интерпретации сегодняшнему дню — это «политика, опрокинутая в прошлое». Историзм оценивает события и деятелей прошлого в зависимости от того, что они дали в сравнении с предшествующими эпохами и в контексте возможностей своего времени. В советский период классическим определением историзма считалось ленинское суждение: «Не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»⁴⁰.

На мой взгляд, ленинское суждение не утратило научного значения, но требует критического осмысления. Сделаем это на актуальном примере Российской революции 1917 г. Принимая во внимание последствия и практическую реализацию большевистской революции на протяжении 70 с лишним лет советской истории, нельзя не признать их глубокой противоречивости и в ретроспективной оценке — поражения Октябрьской революции. Но, на мой взгляд, это не равнозначно отрицанию исторической обусловленности революции 1917 г., ее народного характера и апологии российской империи и Николая II, что присуще современной пропагандистской историографии. Я принимаю необходимость раскрытия «цены» революции, которая заняла важное место в историографии постсоветского периода. В революции 1917 г. это была высокая кровавая «цена». Но и она не способна опровергнуть историческую обусловленности революции, и, кроме того, «цена» революции не может оцениваться односторонне (замалчивая «цену» белого террора), что особенно присуще пропагандистской историографии, как, впрочем, и ряду профессиональных историков.

«Цена» событий и изменений прошлых эпох должна включаться в исследовательскую концепцию. Но эта «цена» не может служить основанием для негативных оценок прошлого. В противном случае все прошлое может предстать в качестве «темных веков». Именно так, например, оценивали просветители XVIII в. средневековые. Но

³⁹ Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

историки последующих времен признали, что и средневековые дали много позитивного в сравнении с античностью, превозносившейся просветителями. *Историзм* при всей кажущейся простоте на самом деле категория тонкая. На мой взгляд, он не воспринимается многими представителями социальных наук, сосредоточенных на современности и вольно экстраполирующих свои оценки в прошлое. Да и среди историков есть те, кто им пренебрегает.

Приведу пример присутствия антиисторизма в современной американской историографии. Это *политкорректность* – набор мировоззренческих установок, оформившихся в американском обществе, в первую очередь в либеральных кругах (но ее не в состоянии проигнорировать и консерваторы) под воздействием общественно-политических процессов и изменений последней трети XX в. В историографии США тогда укоренились *женские* и *афроамериканские* исследования, в университетах появились соответствующие кафедры и учебные курсы. Научная картина американской истории серьезно разнообразилась и пополнилась. Но в изучении новой проблематики обнаружились и перекосы, находящиеся в противоречии с принципами историзма. Многие историки в своем исследовательском видении подчинились либеральной политкорректности, которая фактически наложила табу на критические суждения в отношении афроамериканского, равно как и женского движений. Кроме того, важнейшие события прошлого, такие как Война США за независимость, Гражданская война, Прогрессивная эра начала XX в. и Новый курс 1930-х годов, стали оцениваться не столько в связи с их позитивными нововведениями в сравнении с предшествующими эпохами, сколько в связи с неспособностью на разных этапах, в том числе начальных, обеспечить равные права афроамериканцам, женщинам, как и другим угнетенным социальным группам.

Теоретико-методологическая взаимодополняемость. Постсоветский период в развитии профессиональной историографии ознаменовался сменой монополии исторического материализма теоретико-методологическим плюрализмом. Важное значение в развитии профессиональной историографии играло освоение современных исследовательских методов, среди них междисциплинарной методологии. Отмечу, что междисциплинарность развивалась в отечественной исторической науке и в советский период, но тогда она сводилась к использованию методов марксистского обществознания. В постсоветский период междисциплинарность в исторической науке качественно изменилась, поскольку она стала свободно черпать из арсенала современного мирового обществознания, в первую очередь из таких дисциплин, как социология, политическая наука, культурология, антропология.

Отмечу опасность, возникающую в случае механистического восприятия историком категориально-понятийного аппарата общественных наук. Приведу один показательный пример. Одной из наиболее распространенных политологических категорий, воспринятых на современном этапе многими отечественными историками, стал тоталитаризм. Эта категория применяется в изучении самых разных исторических тем и периодов: не только начинающие авторы, но и маститые исследователи, признанные в своих темах авторитеты, используют эту категорию и понятие при характеристике политической власти в эпоху Петра I, Ивана Грозного и даже Древнего Рима. Между тем тоталитаризм, как он используется и определяется в политической науке, это феномен, который возникает в XX в. и к более ранним периодам отнесен быть не может.

Определенная ответственность за «опрокидывание в прошлое» категорий социальных наук лежит на самих этих науках. Как уже отмечалось, представителям социальных наук, сосредоточенным на современности и экстраполирующим свои оценки в прошлое, историзм зачастую чужд. Многие историки чуждаются методов социальных наук именно по той причине, что считают их несовместимыми с историзмом. Подобный подход представляется крайностью. На самом деле подходы, категории и понятия социальных наук помогают в случае их надлежащего соединения с собственными методами и приемами исторической науки глубже и полнокровнее раскрывать сущностные, структурные и системные характеристики и взаимосвязи разных исторических

эпох. Например, без знания типологии политической демократии, разработанной в современной политической науке, нельзя точно и глубоко понять характер политической власти разных стран в новейшее время. Важны такие категории политической науки, как *политический режим*, *политическое участие*, *политический процесс* и др. А без использования теории социальной стратификации современной социологии трудно классифицировать социальную дифференциацию и социальные общности не только нынешнего дня, но и далекого прошлого. Полезны другие категории социологии: вертикальная и горизонтальная социальная мобильность, приписанные и приобретенные социальные статусы и др. Важно лишь учитывать, что категории современных общественных наук являются теоретическим подспорьем для постижения существенных характеристик прошлых эпох, но не их матрицей.

Среди методов мирового обществознания, воспринятых современной отечественной исторической наукой, значимым представляется *цивилизационный подход*. Восприятие этого подхода декларировалось многими отечественными историками, но, на мой взгляд, не все смогли разработать удовлетворительную парадигму изучения тех или иных *региональных и страновых цивилизаций*. Речь идет о конкретном реестре архетипов и факторов, определяющих цивилизационное своеобразие той или иной страны. Мною такой реестр был предложен и использован применительно к истории США⁴¹.

Эти новые теоретические подходы, думается, совместимы с использованием исторического материализма, отрицая только притязания его жёстких сторонников на монополию. Полагаю, что полный отказ от исторического материализма заключал бы опасность выплескивания с водой ребенка. И сегодня я разделяю то марксистское положение (оно, впрочем, получило развитие еще до Маркса, а потом разделялось и многими немарксистскими авторами), что в капиталистическом обществе, каковым всегда являлись и остаются изучаемые мною США, экономическим отношениям принадлежит первенство в выстраивании социальной структуры общества, а социальная структура и социальная стратификация удерживают приоритет в определении характера политической власти. Но вместе с тем я признаю реальной и гораздо большей, нежели это казалось американистам советской эпохи, роль иных факторов,

⁴¹ США относятся к наиболее распространенному типу цивилизаций, обозначаемых как *локальные*. Локальная цивилизация в своем общественно-историческом развитии демонстрирует преемственность основополагающих экономических, политических и особенно социокультурных характеристик, и эти характеристики в значительной мере оказываются доминантами ее внутренней структуры и эволюции. Соединенные Штаты обладают характеристиками, типичными для западной цивилизации в целом, но в их развитии наличествуют также архетипы и факторы, присущие только им. В изучении истории США я разработал реестр архетипов и факторов цивилизации США, которые оказались полезны при анализе долговременных тенденций американской истории. Вот они. 1. *Либерально-капиталистический индивидуализм* (был выделен в качестве главного фактора цивилизации США, который оказывал на протяжении всей американской истории огромное, в целом ряде отношений определяющее воздействие на все сферы общества и, что особенно важно при изучении цивилизации, доминировал в национальной культуре). 2. *Англосаксонский архетип* (британские цивилизационные характеристики, перенесенные в Новый Свет). 3. *Равенство возможностей* (укоренившееся в американской ментальности представление о справедливом равенстве). 4. *Гражданское общество и демократия*. 5. *Подвижной фронт*. В XVII–XIX вв. это реальная возможность для массы белых американцев «передвигать» границу освоенных восточных земель и заселять огромные незанятые западные территории, обращаясь в независимых собственников. После исчерпания свободных земель унаследовано убеждение, что каждый индивидуум должен иметь и имеет возможность преодолеть жизненные фронтиры, не бояться «сниматься с места», если возможности имущественного или статусного роста исчерпаны или неудовлетворительны. 6. *Массовая иммиграция* как важнейший непреходящий фактор формирования и развития американской нации и социума. 7. *Мессианиззм* — убеждение, что США предназначены благодетельствовать своими ценностями всё человечество.

в первую очередь социокультурных, влияющих на характер всех трех анализируемых общественных сфер, как и их взаимоотношений.

Использование разнообразных методологических средств, на мой взгляд, при их надлежащем взаимодополнении равнозначно не эклектике, а более плодотворному постижению исторической истины. Историческая истина лежит не посередине между противоположными оценками. Ее постижение означает раскрытие, признание, точное соотнесение и сбалансированное представление в исследовании всех сторон изучаемого объекта. Я формулирую собственную исследовательскую позицию так: раскрывать и исследовать максимально полно самые разнообразные явления и стороны исторического прошлого, все «плюсы» и «минусы» и стремиться к нахождению их объективного соотношения, точной меры. Улучшение материального положения, условий и качества жизни, свободы, прав и возможностей не одного или даже нескольких социальных классов и групп, а всех их, равно как и всех членов общества и всего народа, приверженность государства на мировой арене цивилизационно-культурному плюрализму — эти критерии присутствуют в моем сознании при оценке эволюции любого общества. Но эти критерии неизменно должны совмещаться с требованиями историзма — этой «священной коровы» профессиональной историографии.

Данная статья публикуется в дискуссионном порядке. Другие историки могут высказать иные точки зрения. Важной является их рефлексия по поводу своей профессии, осмысление ее места в меняющемся обществе. Мы лишь наметили подходы к важным теоретико-методологическим проблемам, в решении которых участвует историческая наука.